

В ТЕНИ «ВИШНЕВОГО САДА»

Меня всегда поражало, почему в чеховских пьесах не видят очевидных вопросов, на которые надо ответить, прежде чем не то чтобы предлагать заумные интерпретации, а просто понять, о чем вообще идет речь?

С чего начинается «Вишневый сад»? Молоденькая, неопытная 17-летняя Аня возвращается из Парижа, куда ездила зимой, почти одна (если не считать чокнутую гувернантку, которая была скорее обузой, чем помощью — ведь она же за границу без паспорта ездила, в чемодане, видимо), практически без денег, и откуда она привозит свою странноватую, скажем мягко, мать. Попробуйте найти хоть в одном критическом исследовании ответ на простой вопрос: а зачем Аня ездила в Париж? Кто ее туда отправил? С какой целью? Почему ей нужно было ехать в Париж лично? Разве почта не работала и нельзя было просто послать письмо или телеграмму: маменька, приезжай, у нас большие проблемы с имением, на тебя одну вся надежда?

Не будет не то что ответа, а даже вопрос такой не поставлен.

Течение

Вот еще штамп, тянущийся от самого Станиславского: в «Вишневом саде» якобы все плывут по течению времени, ни на что не надеясь. Разве это так? Ведь пьеса даже начинается с решительного, дерзкого, в чем-то на грани фола поступка: Аня вытаскивает матушку из Парижа. Плыви она и та, кто за ней стоит, по течению, все ограничилось бы перепиской. Конечно, на Раневскую это бы не подействовало, и нужны были именно визит и живые слезы дочери, чтобы ее проняло, и она ненадолго вернулась домой.

Чтобы Аня поехала в Париж, Варя все спланировала, Гаев дал ей Шарлотту (все, что у него было), а Лопахин денег. Так что за путешествием Ани стоят холодная воля и твердый расчет настоящего героя «Вишневого сада», который, как это часто бывает у Чехова, нарочито спрятан и затушеван, но он есть.

Проблемы с имением

В начале пьесы есть маленькая ремарка: «Действие происходит в имении Л. А. Раневской». Ремарка маленькая, но очень важная, потому что многое объясняет. Прежде всего: а почему, собственно, имение принадлежит Раневской? Это очень странно. Родовое имение русских помещиков, дворянское гнездо Гаевых вдруг ни с того ни с сего достается не сыну, как это было принято по писаным законам и неписаным правилам того времени, а дочери. (Напомню, что дочери по законам империи практически не имели никаких наследственных прав, особенно при живых сыновьях, и передача им земельного имения, так называемого родового имущества, в обход наследников мужского пола была сильно затруднена, да и осуждаема обществом.)

Владислав Борисович Бахтин родился в 1976 году в Свердловской области. Образование высшее. Живет в Екатеринбурге.

Дальше по ходу действия абсурд только усиливается. Оказывается, что и у Гаева якобы имелось свое состояние (которое он «проел на леденцах»). Но несмотря на наличие денег и земли, а также нескрываемое презрение к простолюдинам и разночинцам (от которых пахнет пачулями), Гаев живет в имении Раневской вместе с ее мужем, «недворянином и присяжным поверенным», пьющим горькую. Это уже какой-то голливудский мажор.

На первый взгляд картина аристократического вырождения вырисовывается примерно такая. Деспотичные родители в приступе старческого слабоумия, в ответ на какую-то мелкую и глупую шалость, проклинают сына (не забыв, правда, обеспечить его приличным состоянием) и оставляют все огромное поместье дочери.

Дочь, едва последний родительский гроб опустился в землю, в свою очередь сходит с ума и в порыве животного сладострастия выскакивает замуж за «простого» человека, пьяницу и транжиру, а после его смерти сама начинает кутить и проматываться без удержу.

Рохля сын, видимо сломленный железной волей своей маман, по-своему трогательно любившей его, в попытке отгородиться от ужасов реальности, тратит все свои деньги на безумную роскошь мелочей, декорируя ими выделенный самому себе кусочек мира — своего и безопасного. Наконец все оказываются у разбитого корыта. Селя ви. Натурализм.

Добрые зрители плачут и умиляются, наблюдая падение в грязь дворянских вырожденков: вроде бы и жалко уродцев, все же люди, а с другой стороны, и поделом, поделом, побарщивали, хватит, новое идет племя, младое, незнакомое.

Картина внешне, безусловно, эффектная, для какого-нибудь Стриндберга самое то. Однако, как мне кажется, Антон Палыч был человеком попроще, но и пожестче, без всех этих голливудских красотостей. Поэтому происходит в его пьесе все должно не под действием внезапных импульсов испорченной наследственности, а как бы само собой, тихо, своим чередом.

Привет из прошлого

Предположим, что имение Гаевых, как и полагается, было передано по наследству сыну. В один из скучных серых дней деревенской осени Гаев немного увлекся и проигрался в городе в пух и прах (он ведь игрок, это Чехов постоянно подчеркивает), как это часто и бывает с богатыми молодыми людьми без определенных занятий. Попытался отыграться и проиграл вообще все. В ноль. А может быть, и хуже. Надо освободить имение и идти побираться. А у него юная сестра на выданье, у которой братец весь капитал, оставленный на приданое, потерял. И идти ей теперь в приживалки или даже гувернантки. Печаль-беда.

Наконец в один из последних дней перед концом всего Гаеву поступает некое предложение, скажем, от человека, которому он как бы случайно все и проиграл, того самого «недворянина и присяжного поверенного», с как бы на что-то намекающей фамилией. Мол, так и так, милый друг, знаю твои проблемы, могу помочь, не за так, конечно, а вот, слышал, есть у тебя молоденькая сестричка, редкой красоты алмаз, сладкий персик, м-м-м, пальчики оближешь девочка-дворяночка.

Так вот, ты мне свою сестру-аристократку в жены (я человек холостой, вдовый, с маленькой дочерью), а я тебе позволю жить при имении, ну и пенсию назначу на шалости разные, в пределах разумного, конечно. Будешь у меня заместо свадебного генерала столоваться, я такое люблю.

Предложение, конечно, гадкое и подлое. Вспыхнули тут брат с сестрой праведным негодованием, погорели день-другой, а на третий день, крепко подумав, согласились переступить через свою гордость. Поставили только одно условие: при отсутствии

сыновей в браке с будущей Раневской имение по смерти мужа должно быть завещано ей. Ну и вот сделка состоялась.

Любопытно теперь именно в этом контексте взглянуть на мотивацию и действия всех персонажей пьесы.

Дворянское гнездо

Считается, что «Вишневы сад» — это пьеса о закономерном крахе старого мира, мира очень милых, пушистых и добрых, но глупых дворян, к которым в уютный дом пришли ухватистые и оборотистые хищники Лопахины и растоптали беспечные цветы жизни своими желтыми коваными ботинками. Ах-ах! Какие ужасы!

Однако если присмотреться повнимательнее, оказывается, что Лопахин к падению дома Гаевых совершенно не причастен (он в данном случае не хищник, а падальщик), а дело это за 20 с лишним лет до него провернул совсем другой человечек — «недворянин и присяжный поверенный» Раневский. Ни Гаев, ни его сестра во время действия пьесы уже не были Хозяевами (с большой буквы) имения. То, что они были причастны к нему, — это лишь дело слепого рока (умер муж, утонул сын), не более.

И все это понимали. И сами они понимали, и их слуги, и их соседи, и окрестные крестьяне — все вокруг знали, что господа эти уже никакие не господа, а так... случайные люди, попавшие в оборот. Характерно, что и Раневская, да и сам Гаев относились к своему имению именно как к случайно доставшемуся кушу (вроде выигрыша в лотерею), который они с легкостью и растранижили. Гаев совершил в молодости ошибку, за которую он и его сестра заплатили своей судьбой. Ошибкой воспользовался Раневский (скорее всего, ловкий жулик и плут, ловивший рыбу в мутной воде). Вот уж кто был действительно ухватист и оборотист. Гигант. Исполин.

Это ведь с ним соперничает Лопахин, с ним, который в дни лопахинской юности одной только ловкостью рук сокрушил господский дом, стоявший двести лет и казавшийся незыблемой скалой, и стал новым Хозяином. Вот уж было потрясение для молодого Ермолая. Он, наверное, даже рот открыл от удивления, когда объявили новость: вот этот франтоватый хмырь с повадками конокрада будет теперь новым владельцем всей окрестной земли, да еще в придачу и юной барыни, дочери старого господина.

Е-мое! А че, так можно, что ли? Можно, Ермолай, можно. Ну и пошла писать губерния. Как там у Есенина: «Счастье лишь ловкость ума и рук, все не ловкие всегда за несчастных известны». Вот оно-с. От Раневского, кстати, и достались Лопахину эти безумные желтые ботинки и дорогие галстуки с изумрудными булавками. Одесский, так сказать, стиль.

Исполнение желаний

Чего больше всего желали и о чем втайне мечтали после катастрофы с имением и несчастного, позорного замужества новоиспеченная Раневская с приживалом Гаевым? Да об этом самом: чтобы постылый муж куда-нибудь провалился, исчез, испарился, издох, наконец, и все вернулось на круги своя.

О, эти тайные встречи в саду, эти страстные клятвы, рыдания и объятия.

— Все сбудется, верь мне, Люба!

— Верю, Леня, верю!

И надо же такому случиться, что их желания исполнились. Муж умер с перепоя. Не думаю, что он питал какие-то иллюзии по отношению к жене. Для него Раневская была, наверное, чем-то вроде дорогой игрушки или охотничьего трофея, которым можно похвастаться перед пьяными друзьями: вах, слушай!

Раневская, к своему удивлению, стала хозяйкой имения. Правда, как это обычно и бывает, к тотальному осуществлению мечтаний прилагались некоторые, поначалу

не вполне осознаваемые побочные эффекты. Например, смерть сына. Раневская стала «порочной» и в Париж убежала от ужаса исполненных желаний.

В «Вишневом саде» к началу пьесы действительно все уже произошло. Мы наблюдаем только развязку старой двухчастной драмы. Как в античной трагедии, герои платят за что-то, за какой-то поступок или действие, неумолимый рок давит их, но причина гнева богов автором намеренно не раскрывается. В этом весь Чехов.

Другая игра

У Борхеса был такой рассказ — «Анализ творчества Герберта Куэйна». Там выдуманный писатель пытался, не совсем удачно, создать выдуманный роман, в котором одна из ключевых деталей как бы «плыла», позволяя внимательному читателю истолковать вроде бы очевидный финал детективной истории по-своему. Так читатель, с позволения автора текста, сам чуть-чуть становился писателем, но одновременно включался в некую игру уже как актер, исполняющий роль детектива. Читатель как бы выходил на сцену, участвуя в авторском метасценарии.

Так вот Чехов — это и есть Герберт Куэйн. Только не выдуманный, а настоящий. Правда, жил он за 30 лет до Борхеса. И в его рассказах и пьесах «плыла» не одна деталь, а множество. И писал он не корявые рассказы о потенциальных возможностях, а глубокие и тяжелые вещи, смысл которых можно понять только сейчас, через сто с лишним лет. Чехов писал для юзеров, то есть для пользователей компьютерной эпохи (чего, конечно, не понимал, но предчувствовал). И все его пьесы (и частично рассказы) — это такая игра, где внимательное прочтение какой-либо детали открывает дверь в совершенно другую пьесу, в другой сюжет. Декорации и действия те же, а смысл происходящего совершенно меняются.

Любая его пьеса — это многоликий Протей или Солярис, меняющий форму в ответ на сознательные действия читателя (зрителя, режиссера). К ним так и надо относиться, то есть постоянно додумывать и дописывать. Это не мертвые, застывшие классические глыбы, а живые (по крайней мере, кажущиеся живыми) вещи, которые требуют участия зрителя и читателя как пользователя.

В «Вишневом саде» главное — продумать и выстроить для себя предыдущие акты драмы. Только тогда происходящее на сцене станет предельно ясным.

Приемная дочь

«В а р я , ее приемная дочь, 24 лет».

Эту ремарку обычно неправильно понимают. Варя — приемная дочь для Раневской. Это как-то сразу делает ее сиротинушкой, полуслужанкой, полугорничной, слабой и беззащитной Золушкой, которой инстинктивно хочется помочь. Но приемная дочь для Раневской не означает, что она же приемная дочь для Раневского. Пусть последний — ее отец. Это сразу до небес взвинчивает градус драматичности пьесы.

Вспомним «Чайку».

«А р к а д и н а . Несчастливая девушка, в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, так как отец ее уже завещал все своей второй жене. Это возмутительно.

Д о р н . Да, ее папенька порядочная таки скотина, надо отдать ему полную справедливость».

А ведь Варя (если ее родной отец — Раневский) в «Вишневом саде» находится в той же ситуации, что и Нина в «Чайке». Папаша, подлец, оставил все свои деньги второй жене (Раневской). Более того, и само имение с садом, в сущности, принадлежало ему (выкуплено им у кредиторов за долги Гаева) и только из-за его глупости и распу-

ценности (клянул на молоденькую сладенькую девочку из дворян) перешло обратно к старым хозяевам.

В этом контексте Варя — это «античайка», которая вместо короткого, но гордого полета в никуда выбрала смирение и терпение, окольную дорогу прозябания, пусть длинную, но с тем же результатом (эх, молодость, молодость). Она и есть главная героиня «Вишневого сада». Это ее железной, но скрытой воле подчинено все действие пьесы.

Принципы

Варя в любой момент могла выйти за Лопахина (а он был влюблен в нее, что несомненно) и в качестве жены просто попросить его выкупить имение, чтобы оставить в нем все по-старому (разве только к приживалу Гаеву добавилась бы приживальщица Аня). Но она не сделала этого. Почему? Потому что у нее были принципы и у нее был план.

Раневская в молодости в буквальном смысле продала себя за имение, а потом, когда имение вернулось к ней, немного повредила рассудком — «от счастья». На этой почве она и стала «порочной». Но, конечно, не в том смысле, как это понимают литературоведы, пишущие о пьесе.

В этом контексте Варя (да и Раневская с братом) воспринимала имение как некое зло (если провести современную аналогию — нечто вроде колесницы Джаггер-наута, требующей постоянных жертв, чтобы катиться дальше), которое нужно было пресечь.

Ей нельзя было продать (обменять) себя за имение (а именно так и выглядел бы выход замуж за Лопахина ДО продажи имения или ПОСЛЕ того, как он стал его владельцем), потому что тогда она повторила бы судьбу Раневской. А Варя хотела преподнести Раневской и Гаеву (для нее — заносчивым, спесивым дворянам, которым невероятно и незаслуженно повезло) урок чести. В ситуации, когда движением пальца можно было все повернуть в свою пользу, она губит свое будущее, жертвуя им в пользу Ани (ей ведь в итоге обеспечено огромное состояние — 90 тысяч сверх долга по тем временам целое состояние). В этом и был главный мотив ее действий. С ней поступили несправедливо, подло (по сути, Раневская украла у нее имение, манипулируя бывшим мужем, что, как уже сказано, повторяет историю Заречной). Но Варя не такая. Она все сделает правильно. Справедливо. Воздаст каждому по делам его.

Пружина

Варя оказывается настоящим (но по-чеховски скрытым) режиссером всего происходящего на сцене. Это она и ее железная воля направляет все события, внешне кажущиеся случайным течением безвольной жизни праздных дворян. Она плетет (замечу, что не все окружающие понимают смысл ее действий) вокруг Лопахина паутину (и приезд Раневской, к которой купец испытывал какое-то детское чувство благодарности за что-то хорошее из прошлого, часть этой сети). Именно Варя организует поездку Ани в Париж. Она подталкивает Лопахина к торгам (и к огромной переплате). А он, опутанный со всех сторон невнятными, но липкими отношениями с обитателями имения, и особенно с самой Варей, послушно идет по предложенному пути, подыгрывая ей.

Но (и это очень важно) сам Лопахин, как умный человек, понимает мотив Вари (и смысл ее действий, ее план). Он любит ее и одновременно осознает, почему она не может выйти за него ДО продажи имения (но не до конца понимает, почему она не может выйти за него ПОСЛЕ торгов). Именно отсюда происходит смешная сумятица в их отношениях. Они боятся чересчур сблизиться, чтобы не помешать Вариним планам, без осуществления которых свадьба не состоится.

На торгах Лопухин (что-то выиграло в нем все-таки нутряное, что было сильнее и чувств к Варе, и голоса рассудка, та изначальная зависть к Раневскому, так просто взломавшему неприступную твердыню дворянского гнезда) совершил ошибку. Он купил имение (а должен был купить разогретый соперничеством Дериганов, то есть чужой, посторонний человек, который разорвал бы порочный круг).

Варя же ни при каких обстоятельствах не могла выйти за владельца вишневого сада. С ее точки зрения, это было падение. Продажа себя. Подлость, на которую она никак не могла пойти. Ведь она лучше Раневской. Чище. Вот и все.

Варя устроила будущность наивной Ани (которая, скорее всего, даже не поняла, что происходило вокруг). Но погубила свою. А Лопухин стал владельцем вишневого сада. Но навсегда потерял свою любовь.

Комедия.

Он и она

Отдельная тема — взаимоотношения Вари и Лопухина: высочайшее, но неуловимое, скрытое напряжение. Так тонко, что нить постоянно рвется, теряется.

Он знал, что и зачем она делает. Она знала, что он знает. Ему нужно было пройти по лезвию ножа, чтобы не нарушить ее планы и иметь хотя бы шанс на совместное будущее. Но он ошибся: купил имение, а надо было перед последним шагом торгов остановиться. И все, все разрушил.

Лопухин был заинтересован в одном — в том, чтобы жениться на Варе. На все остальное ему было плевать. Он был очень умным человеком, но, к несчастью для себя, из первого культурного поколения. Он играл в пьесе Вари как хороший актер. Но от него требовалось нечто большее. Ему нужно было взломать Варину защиту — то цельное бронированное мировоззрение обиженной простолюдочки, которая кому-то что-то очень страстно хочет доказать, пусть даже ценой собственного будущего. Ему нужно было немного подправить программу изнутри: типа, ну да, милая, у тебя хороший план, но давай сделаем так, чтобы и нам с тобой было хорошо после его исполнения, это же просто, зачем губить себя?

То есть он должен был сам выступить как режиссер. А у него не было для этого слов. Культурного кода. Пароля для доступа. Отсюда его трагикомические «бе-е-е» и «ме-е-е» в течение всей пьесы. Он ведь и сад в конце рубит именно поэтому. Из-за своей нелепой мужицкой ошибки, которая перечеркнула любое будущее с Варей.

«Социальная драма»

С подачи Станиславского, который в Чехове ровным счетом ничего не понимал, считается, что в «Вишневом саду» есть будто бы противостояние отживших свой век и потому слабых аристократов набирающему силу третьему сословию.

Но если внимательно приглядеться к героям пьесы, никаких аристократов там нет, как нет и классового противостояния. Все действующие лица находятся примерно на одной ступени социальной лестницы.

Гаев и Раневская — да, дворяне, но, по сути, деклассированные.

Аня и Варя — дочери «недворянина» Раневского.

Лопухин — из крестьян.

Петя — непонятно, но видно, что из простых.

«Вишневый сад» не про социальные, а про культурные перепады.

Комедия (или трагедия, как посмотреть) не в том, что Лопухин из мужиков, а в том, что он выходец из мужиков только в первом поколении и не знает, что делать, как

говорить и куда девать руки при общении с Варей, которая первобытную стихию покинула два-три поколения назад. Лопехин — умный, но ограниченный. Так же как ограничена в своем мировосприятии умная Варя.

Проблема, по Чехову, не в земле и деньгах, а в границах, закрытых изнутри самим человеком. Выйти можно. Да вот беда, ключи потерялись. Их нарочно бросили на пол, а теперь уже и не найти.

Злой шут

На Епиходова обычно смотрят как на персонаж, намеренно (как и Шарлотта) введенный Чеховым в пьесу для того, чтобы развлечь почтенную публику нелепым поведением (комедия же, а без гэгов Епиходова непонятно, где и смеяться).

Но явная предумышленность нелепости может быть объяснена не только внешней волей автора (что, с точки зрения зрителя, было бы, кстати, слабым ходом, так как абсурд в реалистической пьесе должен иметь какие-то естественные границы, а сплошные «33 несчастья» — это уже перебор), но и стратегией самого Епиходова, определенной обстоятельствами действия.

Что если Епиходов — это не рассеянный и расслабленный русский дурачок, а злой волевой человек, жестко контролирующий каждое свое действие и скрупулезно оценивающий реакцию публики (не в зале, а на сцене, в моделируемой Чеховым жизни) на него? Человек, надевший маску и добросовестно играющий роль шута при дворе, который создает комичные ситуации, а не попадает в них.

«Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный; тебя должны безумно любить женщины. Бррр!»

Это ведь по его приказу стали рубить сад еще до отъезда бывших хозяев. Мог бы повременить и обождать, когда Лопехин уже уехал, но не стал, показал зубы: вот вам, получите. Его обычно сравнивают с Яшей, в пользу последнего, не понимая, что лакей просто русский дурак, попавший в фавориты и оттого ставший хамом. Но Яша через год после финала пьесы станет клошаром на парижской помойке. А Епиходов будет проворачивать такие дела, от которых и сам Лопехин будет покрываться.

И добрая шутиха

Столь же нарочитая и абсурдная необязательность Шарлотты как персонажа вроде бы реалистической пьесы обычно не замечается. Она делает цирковые номера — и этого оказывается достаточно, чтобы без вопросов оказаться на театральной сцене (ну а как вы хотели, это же комедия, поэтому клоуны должны смешить зрителей, иначе непонятно, за что деньги уплачены).

Однако вопросы есть. Например, такой. Вот есть старый холостяк Гаев, очевидно, любитель сладкого и пряного, такого, знаете, на вкус немного специфического, может быть даже, чем черт не шутит, французского, в молодости наделавший много глупостей. И в его (ну почти в его, сделаем скидку) доме живет странноватая и никому особо не нужная особа — давно отцветшая, некрасивая незамужняя дама, да еще и без паспорта. Вроде бы она гувернантка, но не совсем, потому что все дети давно выросли и в уходе не нуждаются, да и нет денег, чтобы ей платить, да и, по совести сказать, какая же она гувернантка — из цирка клоунов, чтобы барышень воспитывать, не берут.

Но ведь вот же она — живет, ест, пьет, фокусы показывает. Зачем? Почему? Кто позволил? И какой из всего этого можно сделать вывод?

Многого мы еще об Антоне Палыче и его пьесах не знаем.

И не узнаем.